

М.С. Выхристюк (Тобольск)

Книжно-славянское и народно-разговорное начало в рукописных деловых текстах Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины XVIII века

Исторический синтаксис XVIII века, как и в целом деловая письменность этого периода, изучен недостаточно полно. Вероятно, поэтому в литературе неоднозначно оценивается его отношение к книжно-славянскому и народно-разговорному языку (В.В. Виноградов, С.И. Котков).

Исследования последних десятилетий показали, что общерусские синтаксические нормы сложились к концу XVIII века на основе сплава норм делового приказного письма, синтаксических черт книжно-литературного языка и народно-разговорной речи (Л.А. Глинкина, Л.А. Конькова, З.Д. Попова, А.И. Сумкина, Р.П. Сысуева, А.П. Чередниченко, И.С. Филиппова и др.). К концу XVIII века узусальные синтаксические нормы упорядочились, некоторые из них получили кодификацию, а главное — в связи с формированием функциональных стилей обозначилась их семантико-стилистическая специализация по жанрам.

Синтаксис деловых документов конца XVIII века представлял собой особую амальгаму стилистически неоднородных явлений. Как и на уровне номинативных единиц, на синтаксическом уровне отразилось органическое единство межстилевых, книжно-славянских и народно-разговорных конструкций. Их роль в текстообразовании различных жанров деловой письменности могла бы быть самостоятельным объектом и предметом изучения. Не претендуя на полноту анализа, назовем в соответствии с традициями лингвистического источниковедения наиболее яркие, типизированные синтаксические особенности скорописных деловых документов Тобольского Знаменского монастыря, концентрируя внимание на их стилистической специфике. Источником исследования послужили материалы фонда И-70 Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области: при ссылке на источник указываем номер дела — лист архивного документа.

Принадлежность к **книжному языку** обнаруживается в следующем.

1. Типичные для делопроизводства **обороты-шаблоны** в начальном и конечном блоках текста: «Указ Ея императорского величества из речен-

ной духовной консистории Высокопреподобнейшему отцу Михаилу покорнейшее прошение» [25–15].

2. Включенные в разные части структуры делового документа **устойчивые словесные сочетания** с соответствующей приказно-административной окраской: *подлежит* быть в платеже; по *требованиям* духовных властей; во исполнение *оного* Ея императорского величества указа; с *приложением* инструкции собственноручно Ею высокопреосвященства подтвержденной; по определению духовной консистории; сыскать для обязательства и др. Вместе с тем рядом с устойчивым словосочетанием могло оказаться общенародное или простонародное выражение: «учинить публичное наказание *бить и бить кнутомъ*» [11–58].

3. Наиболее частотные и стилистически значимые **формы выражения сказуемого** в текстах Тобольского Знаменского монастыря:

а) простое глагольное сказуемое, что соответствует описанию как типу письменной речи, преобладающему в тобольских духовных документах: «жали хлѢбъ... со скотыцких дворов возили навозу на монастырскую пашню» [4–49 об.]; «у меня дѣти подрастають и пахать имѣю работниковъ» [1–56];

б) составное именное сказуемое с кратким страдательным причастием, нередко при нулевой связке. Эта структура имеет перфектное значение и вполне соотносима со значением пассивности, которое несут и отмеченные ниже безличные обороты. То и другое выступает как текстообразующий стилистический фактор в деловой письменности: «*всем в Тоболске обывателям отданы приказы*» [11–43]; «*на тои монастырской земле разных чиновъ людей поземельных днгъ брань быть*» [24–55]; «*которые от казначейства записаны въ на stolномъ... реестрѣ*» [44–4];

в) инфинитив в качестве сказуемого безличных предложений императивной семантики: «с *перваго по сентябрь мсць хороминь жилыхъ и бань не топить имѣющихся в них печи запечатать, а где усмотрень будет из жилых покоев дым, то нимало мешкав осматривать*» [11–43] (всего в структуре этого абзаца-предложения 12 инфинитивов).

4. **Семантически акцентированные** (а иногда выделенные и графически) **безличные предложения**: «*прошу чтоб соблаговолѣно было на вышеписанныя расходы выдать денег*» [11–173]; «*в указе... изображено*»; «*докладом было представлено*» [25–23]; «*о чем... указано*» [13–7] и др.

Безличная форма предиката выступает как важный текстообразующий признак делового письма, т.к. она фокусирует внимание на действии и в сочетании с косвенным указанием на адресанта (*из канцелярии духовной консистории...*) усиливает безличность и строгость языковой формы делопроизводства. Не случайно все эти обороты лексически избирательны (*благоволено было, велено, изображено, соблаговолено было, представлено было, объявлено, определено и др.*), отличаются высокой степенью воспроизводимости в начальных и конечных частях официально-деловых текстов.

Возможно, иначе можно квалифицировать изредка встречающиеся в относительно свободной, констатирующей части документов страдатель-

ные обороты с глаголами другой семантики, например, с глаголами физического действия: «нашлось плотнишное долото съ деревянным череномъ наверху которого надѣто железное колцо» [53–05]; «во многих избах продѣланы каменки, и труб не выкладено» [11–43]. Эти обороты ближе к живой речи: «было мною брано денегъ... они все употреблены в расходъ» [25–67]; «прибавлено за скудность пашни мнѣ землю одну десятину» [4–56]; «посѣяно у меня низаишаго нечаянно хлѣба, ячмени на одну четверть» [4–36].

5. По-видимому, следует отнести к традиционным для деловой письменности книжным синтаксическим признакам, идущим от приказного языка прошлого, **постановку сказуемого в конце начального формуляра указов и приказов**: «Указъ Ея імператорскаго величества самодержицы всероссійския изъ тобольской духовной консистории тобольскаго знаменскаго мнстря в мнстрское правление по учиненной его преосвященства резолюции на представленныя, о попе Исакіе Рыбкине по доносительству вотчинной знаменскаго мнстря Николаевской заимки крестьянина Семена Шашкова жены Параскевы Даниловой дочери въ учиненніи показанымъ Рыбкинымъ с нею Параскевою прелюбодѣства справки велѣно...» [13–7]; «Изъ тобольской дхвной консисторіи, тобольскаго знаменскаго мнстря казначею иеромонаху иерофею приказъ. Сего июля 18 числа на поданное его преосщенству от вдовы подканцеляристской жены Анны Малетиной прошение коимъ она просила о взыскании со сщенника Федора Дергачева которыи ныне находится в Тоболскомъ знаменскомъ мнрѣ в штатѣ на иеромонашеском жалованьи семнадцати рублевъ пятидесяти копеекъ, его преосвящена резолюция последовала такова...» [14–86].

В других жанрах деловых документов возможен **прямой порядок слов** без дистантного разделения подлежащего и сказуемого: «Казначей иеромонах просить на покупку шубы четыре рубли...» [25–4 об.]; «о сем просил... монастырской крестьянинъ Иван Козминъ сынъ Сухынинъ...» [1–56 об.].

6. Нередко в памятниках деловой письменности полное грамматическое **согласование подлежащего отсутствует**: «Губернская канцелярия приказали...» [11–58]; «Сибирская Губернская канцелярия приказали...» [11–58]; «Тоболская духовная консисторія приказали послать...» [25–23]; «стѣвший правительствующий Синодъ приказали...» [73–39]. Употребление глагола во множественном числе при собирательном существительном единственного числа являлось как бы традицией делового письма и одновременно соответствовало народно-разговорному согласованию по типу: *кочетье дерутся, народ идут*. Множественное число показывало уважение к лицу или предмету, выступающему как законодательно значимый адресант, обозначенный подлежащим.

7. К книжным особенностям, обусловленным стремлением к документальной точности, относится **изобилие и регулярность именных персональных приложений и уточнений**, которые непременно есть при любом: а) личном местоимении; б) обозначении должности упоминаемого лица;

в) этикетном самоуничижительном приложении; г) уточнении: *вышеобъявленный, вышеереченный*.

«Потребно мне низайшему на поупку к неводу мереж и протчих припасов...» [25–67]; «Сего декабры 7 дня быть я Аркановъ...» [25–57]; «...и тогда я Аркановъ и он диаконъ взошли на полокъ он диаконъ паритца а я Аркановъ сидѣлъ просто...» [25–57]; «Понеже потребно мнѣ низайшему из казны мнтырской...» [21–146]; «...а в приемѣ у меня низайшаго денег нисколко не имѣѣтца...» [21–156]; «Взяты мы нижеименованные в Тоболеск в приказъ» [4–49]; «...чтоб на меня низайшаго напрасно ꙗ нагло не напал ꙗ не избилъ...» [25–58].

Синтаксис скорописных документов Тобольского Знаменского монастыря показывает сплав книжно-славянских элементов с **народно-разговорными**. В нерегламентированных частях текстов отметим основные и наиболее значимые из них:

1. В структуре предложений встречаются случаи **несогласования словосочетаний**: немного время, по сажени дров сосновых, по полусажени березовые. Подобное несогласование слов в предложении приближает текст к разговорной стихии.

2. В структуре связного текста разговорного типа нередко **цепочки смежных предложений**, сливающихся в единое сложное целое, связанное бессоюзной или сочинительной связью с помощью союзов *и, а*. Показательны примеры ряда сложносочиненных предложений: «Подрядились поставить под мнтырь ꙗ с выгурскою... а в рупкѣ каждое полено в длину аршина, а у каждой сажени класть по одной клеткѣ, а рядили мы у него, казначея...» [21–136]. Отдельные предикативные части такого предложения могут находиться в многообразных семантических отношениях друг с другом: «...Жена его Харитина послала напередъ жену мою в баню ꙗ меня низайшаго а послѣ немного время послала ж ꙗ пришел я низайший к жѣне своей в баню, ꙗ начал мытца, а Михайло Аркановъ немного время, в баню идетъ же ꙗ говоритъ самъ к тутошнимъ гдина капита Федора Тимофеевича людемъ кто есть в бане сказали ему они дѣаконъ з женою, недавно де пришел, ꙗ онъ Аркановъ зачалъ бранится матерною бранью в горло мнѣ сулил ꙗ говорилъ что де какой честной человекъ дѣаконъ ꙗдите паритца, ꙗ пришел более стал бранится ꙗ выгналъ жену мою изъ бані, ругалъ ее всячески ꙗ она вышла изъ бани онъ Аркановъ пришел ко мнѣ а веника с собою не принес, ꙗ напал на меня ꙗ зачалъ отнимать веникъ и я ему не отдал ꙗ говорилъ я ему что ты в баню ꙗдешь а веника с собою не несешь онъ ухватилъ за волосы ꙗ с полка бросилъ на полъ ꙗ справился ꙗ ушел на полокъ ꙗ онъ еще вторишно на меня бросился ꙗ ударил кулакомъ в поку...» [25–57].

«В древнерусской, а затем в старорусской письменности, в деловом письме XVII–XVIII веков, — как утверждает Л. А. Глинкина, — продолжается традиция построения текста в виде крупноблочной цепи связанных предикативных единиц с элементом *ассоциативного* построения с перебивками, уточнениями и попутными вставками-комментариями. По

существо, такой полупредикативный комплекс и составляет основную синтаксическую единицу многих текстов, близких к передаче живой речи» [Глинка 1995: 55]. Ассоциативное построение предложений содержат почти все основные блоки и наших документов.

3. Передача диалога или прямой речи в древнерусском и церковнославянском текстах обычно происходит путем **смещения ее с косвенной**, то есть через придаточное предложение, присоединяемое к главному при помощи союза *что*: «... ї ему діакону Оокину говорилъ что де онъ подвинулся... и он диаконъ не подвинулся и говорилъ что де еще я не напарился...» [25–58]. Нередко при передаче чужой речи используется как **знак отчужденности и отказа** от ответственности за «не свои» слова частица *де*: «Во вселѣтнюю работу с перемѣною **де** давать работниковъ будем **де** и должны» [25–53].

4. Разговорной чертой на всех языковых уровнях, в том числе и в синтаксисе, является **отражение личного, эмоционального отношения к собеседнику**, его и своей речи. Сложную гамму эмоционально-экспрессивных оценок, чувств передают вставные конструкции, фразеологизмы, эпитеты, бытовые формулы христианского благочестия: «... от своих усть осудился, а все то дѣлаетъ винный въ головъ угаръ, котораго ежели небудеть оберегаться то и до смерти угориш от чего Боже сохрани» [25–57]; «... люди всего четыре человека, которые между собою говорили чертъ де занесъ диакона з женою в баню...» [25–57]; «... зачал браница в горло мне сулить...» [25–58]. Однако оценочных конструкций, словосочетаний и слов в текстах деловых бумаг сравнительно немного.

5. **Нарушение порядка слов** в линейной схеме предложения в соответствии с последовательностью появления представлений: «Кто їмъны потребны в тоболскую дховную консисторию присылкою крестьян» [13–29] = [кто... (из) крестьян]; «На выпписанная росходы ї поступки с казны монастырской приходному казначею їероманаху Оеофану приказать коликое число ваше высокопреподобие соблаговолишь денегъ з запискою и распискою выдати» [21–147] = [соблаговолишь... выдать]; «Каковы печатные съ инструкціей землемерамъ экземпляры в Тоболску его першшествомъ получены...» [25–31] = [экземпляры... получены]; «...подячей Михайло Фаркановъ поданного от диакона Козмы Оокина доношения допрашиванъ...» [25–57] = [подячей... допрашиван].

6. В монастырских текстах допускается свойственное диалектной речи **повторение одного и того же предлога** перед каждым согласованным словом в однородном ряду или перед каждым элементом составного числительного: «Потребно мнѣ низашему їс казны мнстырской для отдачи мнстырскимъ крестьяномъ Михаилу ї Петру Зиминымъ Никифору Волгину за подрядкой в поставку кирпичъ **за** дватцетъ **за** пять тысячъ **за** каждую **по** семидесяти **по** пяти копѣекъ денегъ...» [21–144].

7. К диалектным синтаксическим особенностям севернорусского происхождения можно отнести **предикативное употребление кратких действительных причастий (деепричастий)**: «... гдѣ предъ окончаниемъ того

утреннего пѣнїя оных я заставиши и одного из нихъ поймавъ держаль но другой не гнал чемъ язвивши меня в високъ вырвавъ товарища своего и убежали...» [18–109]; «... и пришедши к банѣ тутѣ стоять ево господина капитана вестовой солдатъ и люди... » [25–57].

Таким образом, тексты делового характера отражают своеобразный сплав народно-разговорных и книжно-славянских элементов: элементы книжности вошли в штампы, их можно найти в терминологии, из живого разговорного языка в деловые документы проникают специфичные для устного обращения обороты и конструкции. Поэтому сама бытовая тематика текстов предполагает сложный синтез книжно-славянского языка, официального штампа и народно-разговорной речи на традиционной стилистически немаркированной основе.

Литература

1. Виноградов В. В. История русского литературного языка / Виноградов В. В. Избранные труды. М., 1978.
2. Глинкина Л. А. О статусе деловой письменности XVIII века в системе русского национального языка // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова: Тезисы докладов. РАН, МГУ. М., 1995.
3. Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980.